

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.И. БУСЛАЕВА

Статьи, помещенные в данном разделе, отражают взгляды современных ученых и осмысление ими филологических и методических идей Ф.И. Буслаева в широком историко-культурном пространстве его научного творчества. Работы расположены не по алфавитному принципу, а сгруппированы редакторами по проблемам: от «системной филологии» и первых лингвистических опытов ученого по компаративистике к изучению актуальных проблем лингвокультурологии в свете воззрений Ф.И. Буслаева и анализа его трудов по лингвистическому источниковедению и лексикологии. Завершают раздел статьи по преподаванию словесности в современной школе.

УДК 80



О.И. Валентинова, М.А. Рыбаков
Российский университет дружбы народов

СИСТЕМНАЯ ФИЛОЛОГИЯ ФЁДОРА ИВАНОВИЧА БУСЛАЕВА

В работе обсуждается ошибочность представления о Ф.И. Буслаеве как о приверженце логико-грамматического направления в языкознании. Анализируя основные положения концепции Ф.И. Буслаева, авторы статьи показывают, что определившие методологию Ф.И. Буслаева историческая диалектика и системный подход в изучении языка, словесности и культуры в целом позволяют рассматривать идеи Ф.И. Буслаева в русле системной лингвистики и шире – считать их основой системной филологии. Взаимодополнительность принципов историзма и системности, а не их противопоставление, понимание соотношения языка и мышления как диалектического противоречия, объяснение особенностей системы внешними условиями ее функционирования, уточнение функции системы, выполняемой в тех надсистемах, в которые она входит, предвосхищение системной теории предикации – таковы основные обсуждаемые в статье свойства научного наследия Ф.И. Буслаева, принципиально ценные для развития системного метода познания.

Ф.И. Буслаев, историческая диалектика, системная лингвистика, системная филология, методология науки, грамматика.

Научная позиция Ф.И. Буслаева вошла в противоречие с общим ходом развития науки, основанном на последовательном дроблении целого, которое узаконивается вычерчиванием академических границ, разделяющих эпистемические дисциплины.

Эта магистральная линия существования научной мысли проявится в разобщении истории языка, истории народа и истории культуры, разграничении науки о языке и науки о литературе, разделении их исторического изучения и изучения современного состояния, изоляции уровней языка, отрыве истории словесности от общей истории искусства...

Написанная же Ф.И. Буслаевым первая русская историческая грамматика, вышедшая в 1858 году под названием «Опыт исторической грамматики русского языка» и известная по последующим изданиям как «Историческая грамматика русского языка», спустя два столетия со дня рождения ее автора, обозначает идеальный предел изучающей историческую грамматику и язык в целом мыслительной модели.

Определившая методологию Ф.И. Буслаева историческая диалектика позволила показать условность

границы между историческим состоянием языка и современным, поскольку современный язык «представляется совокупностью грамматических форм самого разнообразного происхождения и состава» и «такое разнообразие форм объясняется историческим образованием языка» [7, т. 1, с. 15], а значит, изучение языка, каждый хронологический срез которого образуется взаимодействием разных по времени и источнику происхождения элементов, объективно не может не быть историческим.

Историческая диалектика вскрыла условность границы, ее хронологическую и пространственную ограниченность, между книжным языком и просторечием, которая может нарушаться в обоих направлениях: не только со стороны просторечия, но и со стороны книжного языка в сторону просторечия. Так «книжный язык удержал в спряжении глагола *хотѣть* только формы *хотимъ*, *хотите* для того, чтобы согласить 1-е и 2-е лицо с 3-м: *хотятъ*, и все три формы множественного числа подвести под правило 2-го спряжения. Напротив того, просторечие приняло за основание церковнославянские формы и, переложив,

по свойству русского языка, церковнославянское *щ* на *ч* (как *ночь* – ночь), составило формы: *хочемъ*, *хочете* (и даже *хочуть*), в согласии с церковнославянскими *хощемъ*, *хощете*, и с формами единственного числа: *хочешь*, *хочеть*, проспрягавшимися по 1-му спряжению, как и *хощемъ* – *хочемъ*, *хощете* – *хочете*» [7, т. 1, с. 13].

Историческая диалектика открывает внутреннюю причину происходящего – понимание закона, который «основывается на свойствах языка постоянных и не зависящих от временного употребления, ограниченного только временными формами» [7, т. 1, с. 14]. И в книжном языке, и в просторечии сработал закон унификации форм по одной из двух возможных продуктивных моделей словоизменения (по 1-му или по 2-му спряжению), который позже, получив название закона экономии (психической энергии), будет осознан как один из двух универсальных законов языковой эволюции (Е.Д. Поливанов). Хотя сам факт обращения просторечия к церковнославянским формам, наверное, вполне органичного в условиях близости и потому неразличения двух языковых систем стихийным языковым сознанием, Ф.И. Буслаев истолковал как отступление от закона. Но и при таком понимании смещения разных по происхождению форм в словоизменительной парадигме одного слова принцип исторической диалектики был выдержан: «Для изучения законов русского языка равно важны: и язык разговорный с его местными видоизменениями, и язык книжный. Просторечие не только расширяет силу закона, стесняемую книжной речью, но иногда значительно отступает от него» [7, т. 1, с. 13]. Иначе: не только правила книжного языка могут сдерживать действие закона, но и в такой естественной форме существования языка, как просторечие, действие закона может обнаруживать сбои.

Предложив еще до И.А. Бодуэна де Куртенэ различать в языке *законы*, которыми определяются существенные свойства языка, и отдельные *формы*, к которым эти законы прилагаются [2, с. 7], и определив законы как исторические константы, а формы – как изменяемые величины, Ф.И. Буслаев различает еще *законы* и *правила*, которые могут не только не совпадать, но и входить в противоречие, поскольку грамматические правила основываются на современном употреблении языка, а законы – на постоянных его свойствах. С позиций системной лингвистики Ф.И. Буслаев говорит о грамматической детерминанте языка. Идеи В. фон Гумбольдта – основоположника системного языкознания, точнее сказать, системной лингвистической антропологии – стали определяющими в научной судьбе Ф.И. Буслаева: «По его [И.И. Давыдова] совету я познакомился с таким филологическим сочинением, которое впоследствии оказало решающее влияние на мои ученые работы. Это исследование Вильгельма Гумбольдта о сродстве и различии языков индогерманских (т. е. индоевропейских)» [4, с. 128].

Замечание Ф.И. Буслаева: «...чтобы понять правило, необходимо знать тот закон, к которому оно относится» [2, с. 10] – определяет общую стратегию научной деятельности, обнаруживая тем самым методологическую ценность, которая становится востре-

бованной каждый раз, когда наука переживает кризис, и одновременно устанавливает такое соотношение между наукой и методикой, которое единственное может сделать последнюю научно обоснованной.

Историческая диалектика и системный подход взаимопредполагают друг друга: «...грамматика нашей книжной речи относится к истории русского языка как часть к целому: а чтобы ясно уразуметь какую-нибудь часть, надо рассматривать ее в связи с целым. Сам язык указывает на эту живую связь нынешней образованной речи с древнею, в общих законах, проходящих по грамматическим формам той и другой. Потому, чтобы отчетливо объяснить себе грамматические формы современного русского языка необходимо исторически рассматривать их первоначальный вид и последующие изменения, подводя и то и другое под общие законы» [7, т. 1, с. 15].

В отличие от младограмматиков и структуралистов в концепции Ф.И. Буслаева принципы историзма и системности становятся взаимодополнительными, а не противопоставляются друг другу. Ф.И. Буслаев считает в равной мере значимыми все этапы истории языка, как и все факты его устройства.

Представления о системности языка и текста также оказываются взаимопредполагающими: «Все построение языка, от отдельного звука до предложения и сочетания предложений, представляет нам живую связь отдельных членов, дополняющих друг друга, и образующих одно целое, которое в свою очередь дает смысл и значение каждому из этих членов. Такое **взаимное отношение** (выделено нами. – О. В., М. Р.) в речи между частями и целым именуется *организмом языка* (курсив Ф.И. Буслаева. – О. В., М. Р.)» [2, с. 2].

Когда исследователь сосредоточивается на познании объективной сущности явления, исчерпывающая семантизация каждого факта, включая самое сложное – объяснение самоочевидного, становится единственно возможным принципом развития мысли и, как следствие, принципом изложения, позволяющим обнаружить существенные связи между элементами и областями, которые казались независимыми: «Борьба разнообразных местных говоров с искусственным однообразием книжной речи составляет главное содержание истории языка» [7, т. 1, с. 10].

История грамматики выводится Ф.И. Буслаевым из словесности как образуемой противоречивыми, с позиции статичного взгляда, проявлениями динамической целостности, представленной в полноте жанрового разнообразия: «Эти областные формы употреблялись уже в старину (например, в Новгородских летописях 31, 34), но впоследствии были окончательно устранены из книжного языка Ломоносовым (см. § 422 его Грамматики). Впрочем, образцовые писатели, следуя просторечию, употребляют иногда *хочем*, *хочете*, вместо *хотимъ*, *хотите*; например, Пушкин в следующем стихе из “Бориса Годунова”: *которога захочемъ наказать* I, 300; Дмитриев в басне “Ласточка и Птички”: *как хочете меня зовите*» [7, т. 1, с. 13]. Хронологически первая фиксация формы в сохранившихся памятниках письменности – устранение формы из книжного языка как несоответствующей введенному правилу – примеры употребления устраненной из книжного языка формы в речи

образцовых писателей. Так реконструируются ситуации, в которых формы сохраняют значение и в которых они значение меняют или утрачивают.

Ф.И. Буслаев дает понимание сути предикации, предвосхищая идеи современной системной лингвистики, трактующей предикацию как акт выведения нового знания, мыслительный процесс (вызываемый в сознании слушателя под влиянием сообщения), сущность которого состоит в замене образа, воспринятого как содержание одной части высказывания, образом, являющимся видоизменением первого под влиянием содержания другой части высказывания [8, с. 97, 101, 343]: «Основной член предложения есть сказуемое. Собственная и первоначальная этимологическая форма сказуемого есть глагол.

Глагол в смысле сказуемого означает: 1) признак приписываемый предмету напр., в предложении “дерева растут” понятию “дерева” приписывается признак “расти” и 2) отношение лица говорящего к слушающему и к предмету речи» [7, т. 2, с. 24]. Такое понимание предикации отличается от известных представлений о предикации как об интеграции двух понятий или как о расчленении одного понятия на составные части.

Вопрос о соотношении языка и мышления Ф.И. Буслаев рассматривает как диалектическое противоречие – «язык к мышлению находится в двояком отношении: с одной стороны формы языка служат тончайшим выражением всех действий нашего мышления <...>, с другой стороны, опыт каждого говорящего и пишущего свидетельствует, что мысль развивается в голове независимо от форм языка, и что весьма часто случается встречать затруднения в приискании слов для выражения мысли» – и объясняет это противоречие самим существом языка, тем, что язык образовался в далекую эпоху в тесной связи с мыслительной деятельностью целого народа, но независимо от личного мышления одного или нескольких людей [3, с. 13]. Такой же подход к вопросу о соотношении языка и мысли мы находим в трудах другого выдающегося представителя отечественной системной лингвистики – А.А. Потебни.

Системный характер исследовательского метода Ф.И. Буслаева уже отмечался в истории науки [1, с. 61–64; 6, с. 90–97; 9, с. 79–86; 12, с. 41], однако и в статусном «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990) и в учебниках по истории языкознания и сегодня продолжает закрепляться ошибочное мнение о принадлежности Ф.И. Буслаева к логико-грамматическому направлению в языкознании. Мнение не более объективное, чем восходящая к Н.Г. Чернышевскому и Н.А. Добролюбову и закрепленная в идеологизированной советской науке оценка концепции Буслаева как антиисторической: «Избегая глобальных общественных проблем, не понимая глубочайших классовых противоречий в России, ученый высоко ценил абстрактный гуманизм и “обаятельный реализм”, преклонялся перед красотой во всех ее проявлениях» [13, с. 123].

Системный, отнюдь не логико-грамматический, подход к языку отчетливо обнаруживается в научной позиции Ф.И. Буслаева: «Каждый язык пользуется своими собственными средствами для выражения

мысли, усваивая себе особенный, только ему одному свойственный, склад речи, в котором он значительно видоизменяет общие всем языкам, основные законы логические» [3, с. 16]. Это утверждение Ф.И. Буслаева категориально противоположно свойственным логико-грамматическому направлению универалистским представлениям о едином логическом содержании всех языков.

Изучение языка, мифологии, фольклорных, литературных произведений, иконографических символов строится в работах Ф.И. Буслаева на анализе возникновения, развития и исторической взаимосвязи элементов, а исторические процессы исследуются комплексно, чтобы стали понятными законы исторических переходов и качественных изменений через разрешение внутренних противоречий. Систему словесности Ф.И. Буслаев понимает как совокупность разновременных и иногда даже противоборствующих слоев, материала разных эпох, образующих тем не менее целостное единство (см. также [9, с. 79–86; 10, с. 82–88]).

Разрабатываемый Ф.И. Буслаевым метод исследования культуры (мифологии, народной словесности, литературы, иконописи...) не сводится только к сравнительно-историческому методу. Включение каждого изучаемого явления в характерную для сравнительно-исторического метода систему координат, позволяющую (по вертикали) отследить его исторические изменения и (по горизонтали) соотнести в каждой временной точке с сопоставимыми явлениями иных культур, встраивается Ф.И. Буслаевым в системы более высокого порядка (надсистемы), что позволяет объяснить причины происходящего. Так история славянской мифологии не только соотносится с мифологией германской, литовской, но рассматривается в связи с особенностями климата, типом хозяйствования, образом жизни народов. Неоднородные внешние условия определяют различия между мифологическими системами, особенности их возникновения, формирования и исторического изменения: «...мифология славянская соответствует земледельческому быту славянских племен.

...Племена славянские в своем мифологическом развитии остановились на первой ступени, определяемой господством Тора и мирных ванов, – потому ли, что тому способствовали условия самой природы и климата Средней Европы, или потому, что племена немецкие быстро опередили их замечательной, энергичной деятельностью в исторических переворотах, отделивших мир древний от нового. Во всяком случае, замечательно, что уже в самих воззрениях на природу славяне отличаются от немецких племен более спокойным, мирным и светлым тоном. Это особенно явствует из названия года по одной из частей его.

Славяне, как свидетельствуют уже древние письменные памятники, год считали по теплым временам его, т.е. считали летами. Напротив того, не только скандинавы уже в песнях Древней Эдды, но даже готы в IV в., как показывает перевод Библии Ульфилы, считали год – зимами (готск. *vintrus*, сканд. *vetr*, т.е. *winter*). Соответственно тому суровый и мрачный колорит скандинавского или англосаксонского эпоса противопоставляется радостному и игривому сочувст-

вию тихой и светлой природе в так называемой женской песне серба или в обрядной и бытовой малоросса» [5, с. 184–186].

Объяснение особенностей системы внешними условиями ее функционирования приводит к важнейшему положению системологии: все особенности системы задаются надсистемой, которая ставит перед системой определенные задачи.

Ф.И. Буслаева было бы верно считать и основателем системного подхода к исторической стилистике, поскольку он ставит вопрос о духовных факторах, влияющих на формирование стилей (см. также [11, с. 54]).

Понятия системы и процесса, которые в исследованиях Ф.И. Буслаева применяются не только к языку, но и к народной словесности, литературе, культуре в целом, позволяют рассматривать буслаевскую концепцию не только как находящуюся в русле системной лингвистики, но шире – как основу системной филологии.

Историзм Ф.И. Буслаева относит его имя к XIX веку. Диалектическая форма историзма, синтезированная с системностью подхода, выводит концепцию Ф.И. Буслаева из прошлого в будущее.

Литература

1. Алпатов, М.В. Ф. Буслаев и русская наука об искусстве / М.В. Алпатов // Искусство. – 1961. – № 8. – С. 61–67.
2. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Этимология / Ф.И. Буслаев. – Москва: Издательство бр. Салаевых, 1875. – 264 с.

3. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис / Ф.И. Буслаев. – [Б. м.]: Издательство бр. Салаевых, 1875. – 382 с.

4. Буслаев, Ф.И. Мои воспоминания / Ф.И. Буслаев. – Москва: Типография Г. Лиснера и А. Гешеля; В.Г. Фон-Бооль, 1897. – 387 с.

5. Буслаев, Ф.И. Русский быт и духовная культура / Ф.И. Буслаев. – Москва: Институт русской цивилизации, 2015. – 1008 с.

6. Злобина, Н.Ф. Концепция историзма в филологическом наследии Ф.И. Буслаева / Н.Ф. Злобина. – Москва: Лит. институт им. А.М. Горького, 2010. – 336 с.

7. Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым / Ф.И. Буслаев. – 2-е изд. – Москва: Унив. тип. (Катков и К^о), 1863. – Т. 1–2.

8. Мельников, Г.П. Системная типология языков. Принципы, методы, модели / Г.П. Мельников. – Москва: Наука, 2003. – 395 с.

9. Никитин, О.В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) / О.В. Никитин // Русский язык в школе. – 2018. – № 5. – С. 79–86.

10. Никитин, О.В. «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков» Ф.И. Буслаева как памятник филологической культуры XIX века / О.В. Никитин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 4 (173). – С. 82–88.

11. Никитин, О.В. Федор Иванович Буслаев и язык Отечества (К 200-летию со дня рождения) / О.В. Никитин // Русская речь. – 2018. – № 3. – С. 48–56.

12. Сакулин, П.Н. Филология и культурология / П.Н. Сакулин. – Москва: Высшая школа, 1990. – 240 с.

13. Смирнов, С.В. Отечественные филологи-слависты XVIII – начала XX вв. / С.В. Смирнов. – Москва: Флинта-Наука, 2001. – 336 с.

O.I. Valentinova, M.A. Rybakov

FEDOR I. BUSLAEV'S SYSTEM PHILOLOGY

The misinterpretation of F.I. Buslaev as a representative of logic trend in grammar is discussed in the article. Analyzing main points of Buslaev's conception, the authors present that determining Buslaev's methodology historic dialectics and systemic approach to language, literary and cultural studies give an opportunity to consider Buslaev's ideas in the frameworks of the system linguistics and moreover as a basis of system philology. The completeness (and not opposition) of principles of historicism and systematics, the consideration of relationship of a language and mind as dialectic controversy, the explanation of specific features of a system by the external conditions of its functioning, the clarification of a systemic function in the supersystem, the anticipation of the system theory of predication are the central Buslaev's ideas that are discussed in the article.

F.I. Buslaev, historical dialectics, system linguistics, system philology, methodology of science, grammar.